

Драматургия жизни

Пьеса Анастасии Мордвиновой
«Повод для полуночного пикника» заняла I место
в краевом конкурсе «Авторская сцена Алтай»,
прошедшем в октябре 2016 года в рамках
II Всероссийского молодежного театрального
фестиваля им. В. С. Золотухина

текст

ГАЛИНА
БАТЮК

Несколько лет назад мне на глаза попались стихи. Сквозь бумагу проступали музыка и ветер, раскачивающий строчки и буквы, как провода с воронами во время бури. Я не знала автора лично, но отчетливо видела, как из-под его пальцев слова летят легко и стремительно, подобно бусинам с разорвавшейся нитки. Больше всего в тех стихах запомнился, пожалуй, вечный архетип прощаний, встреч и невстреч и ощущение географии не в смысле учебника, а в смысле пространства, к перемене которого лирический герой относится с легким сердцем, даже попустительски, как к картинкам, мелькающим за окнами поезда, но все же навсегда отпечатывающимся на сетчатке глаза. Тогда я не знала, что сюжетную канву многих стихов можно будет случайным образом наложить и на мою судьбу и что когда-нибудь мне придется беседовать с их автором, Анастасией Мордвиновой.

С тех пор много воды утекло: Анастасия стала театральным критиком, окончив Санкт-Петербургскую государственную академию театрального искусства, сменила поэзию на драматургию, Барнаул сначала на Петербург, а теперь уже и на Москву, и совсем недавно заняла первое место в краевом конкурсе «Авторская сцена Алтай» с пьесой «Повод для полуночного пикника». В последний день перед отъездом в столицу Анастасия рассказывала о том, как поэт превращается в драматурга, какую часть души занимает Алтайский краевой театр драмы и почему написание пьес полезно в терапевтических целях.

— Анастасия, недавно вы стали победителем в краевом конкурсе драматургических произведений «Авторская сцена Алтай» с пьесой «Повод для полуночного пикника». Кто или что подтолкнуло вас к участию в нем?

— Знаете, здесь произошла немного странная история. Это не секрет, поэтому я расскажу. Дело в том, что я не подавала заявку на участие в этом конкурсе. Так получилось, что я встретила на одном мероприятии в Питере с Вадимом Климовым (Вадим Климов — барнаульский арт-критик, директор галереи «Республика ИЗО». — Г. Б.) и он рассказал мне о конкурсе и о том, что собирается отправить туда свои пьесы. Мы договорились обменяться работами, чтобы я почитала его, а он — мои. А потом моя пьеса оказалась на конкурсе: Вадим просто решил ее отправить, кажется, даже не спросив моего разрешения. В общем-то, я больше не вспоминала об этом, пока однажды мне не позвонили и не сказали, что я заняла первое место.

— В рамках закрытия II Всероссийского молодежного театрального фестиваля им. В. С. Золотухина состоялась также и читка вашей пьесы актерами Алтайского краевого театра драмы. Означает ли это, что пьесе вашего авторства можно будет в скором времени увидеть в репертуаре театра?

— Я, разумеется, заинтересована в том, чтобы мои пьесы были в репертуаре разных театров, тем более Алтайского краевого театра драмы или какого-нибудь еще барнаульского театра. Но этот вопрос адресован уже к руководству театра. Была замечательная читка, она мне очень понравилась, но разговора о самой постановке не было, мне этого никто не предлагал. Я подозреваю, что это и не подразумевается, потому что, как правило, у репертуарных театров график постановок распланирован на несколько лет вперед и бюджет очень скромный.

— О чем пьеса?

Все действие происходит в течение суток в кофейне, в некоем условном пространстве, в Будапеште. Там много персонажей, часть из них — мертвые, часть — живые. Сама пьеса о взаимосвязи мертвых и живых людей и о невозможности коммуникации, как я говорю. Журналисты уже несколько раз просили пересказать сюжет пьесы, но у меня не получается, потому что эта пьеса не из тех, у которых есть четкий

сюжет: пришел, влюбился, женился, умер, хотя и все это в моей пьесе тоже присутствует, то есть там есть некая линия взаимоотношений внутри одной компании, но при этом всплывают какие-то очень важные вещи, связанные, например, с жизнью и смертью.

— Где можно увидеть спектакли, поставленные по вашим пьесам?

Пьеса «Повод для полуночного пикника» была прочитана единственный раз в Алтайском краевом театре драмы. Кроме того, она вошла в лонг-лист лучших пьес в прошлом году на фестивале «Первая читка» в Петербурге. Но у меня есть и другие работы. В сентябре я ездила на драматургический фестиваль «Любимовка» в Москву, там моя пьеса «Кадыр» (пьеса документальная, основанная на моей встрече с дворником Кадыром) попала во фриндж-программу (от англ. «fringe» — дополнительный. — Г. Б.) и была прочитана в рамках фестиваля, и сейчас в Москве готовятся к постановке два спектакля по этой пьесе. В Томском ТЮЗе в ноябре состоится премьера моей пьесы «Братец Лис и/или братец Кролик» по мотивам книги Джоэля Харриса «Сказки дядюшки Римуса» (режиссер — Катя Гороховская). В прошлом году в Омске прошел спектакль Дениса Хуснисярова по моей пьесе-инсценировке по Чингизу Айтматову. С этим режиссером мы также сделали спектакль-инсценировку «Платонов. Живя главной жизнью». Спектакль побывал на многих фестивалях, в том числе на фестивале «Реальный театр» в Екатеринбурге, в Центре им. Вс. Мейерхольда в Москве.

Оригинальные пьесы, не основанные ни на чем, кроме собственной фантазии, я стала писать не так давно, их у меня всего три штуки. Но я собираюсь продолжать.

— Пробовали ли вы себя когда-нибудь в киносценариях?

— Как раз по моей пьесе «Кадыр», которая была представлена на фестивале «Любимовка», одна девушка-режиссер решила снять короткометражный художественный фильм. Театральная пьеса недостаточно подходит для кинематографа, поэтому она просит написать меня киносценарий по мотивам этой пьесы, и я, наверное, этим сейчас займусь, потому что, в принципе, я хотела бы работать в этой области дальше.

— Вы начинали учиться в Алтайском государственном университете, потом поступили на театроведческий факультет СПбГАТИ в Петербурге. Легко ли было менять одну alma mater на другую? И всегда ли знали, что хотите быть драматургом?

— Во-первых, я хочу сказать, что всегда с большим теплом вспоминаю АГУ и считаю, что это замечательный университет, мне там было очень

Анастасия Мордвинова.
Фото из личного архива

интересно. Я поступила на филологический факультет на переводчика и выучила английский за один год, за что очень благодарна АГУ, хотя до этого десять лет учила его в самых лучших барнаульских школах — как горох об стену. Я никогда бы оттуда не ушла, но так получилось, что зимой я попала в Питер и до меня дошло, что с моей стороны просто глупо не учиться на театрального критика, потому что об этом я как раз мечтала с детства, а о том, что буду драматургом, не знала. Я хотела писать про театр, поэтому в Барнауле занималась журналистикой, в том числе в газете «САМИ», а потом поняла, что если есть место, где этому учат, а я хочу этим заниматься, то почему мне этому не научиться профессионально, и я уехала.

— Ваш отец Владимир Мордвинов долгие годы (с 1996 по 2009) руководил Алтайским краевым театром драмы. Поддерживаете ли вы сейчас связь с театральным сообществом Барнаула? (Владимир Мордвинов ушел из жизни в октябре 2016 года. «Культура Алтайского края» выражает соболезнования родным и близким.)

— Честно говоря, нет. С Алтайским краевым театром драмы меня очень многое связывает. Но с тех пор, как я уехала в Петербург, почти все эти связи разорвались. Я даже больше следила за судьбой Молодежного театра Алтая, потому что там происходили

разные интересные события, связанные с руководством, с Митей Егоровым, с золотухинским курсом, с Золотухиным, я даже про этот театр больше знаю. А с Театром драмы у нас случился какой-то период раздельного существования, хотя это важнейшее для меня место, святое место, оно меня воспитало. И, конечно, мне бы очень хотелось, чтобы там шел спектакль по моей пьесе. На похоронах моего отца я повидалась со многими сотрудниками театра, с теми людьми, которые работали с папой, любили его, ценили. В определенном смысле эти связи где-то есть, на каком-то тонком уровне, но в профессиональной области — нет.

— **Есть такое понятие как «сын полка». Можете ли вы в полном смысле назвать себя «дочерью театра»? Сильно ли повлияла на ваше становление атмосфера театра, закулисы?**

— Да, безусловно. Есть дети, которые гораздо больше проводили времени в театре, это актерские дети, как правило, которые выходили на сцену, сидели за кулисами по вечерам, пока мать играет. У меня же немного иная ситуация, более осознанная, более осмысленная: я приходила туда сама. Мне было восемь лет, когда отец стал руководить театром, не было необходимости

в том, чтобы я там росла. Но, разумеется, с театром связаны, во-первых, мои первые художественные впечатления, во-вторых, я свою жизнь с театром связала исключительно по этому поводу. Папа с большим уважением относился к театральным критикам, к театроведам, для него как для директора театра их мнение было очень важно, значительно. Я очень люблю папу, и мне хотелось, чтобы он ко мне относился с таким же интересом, уважением, поэтому я поступила на театроведческий факультет СПбГАТИ.

С Театром драмы связана и моя первая любовь. Еще я понимала, какие женские, человеческие качества мне нравятся, когда смотрела на разных актрис. А когда увидела, например, как одна артистка играет на пианино и поет, подумала: как же это здорово, и тоже захотела научиться. Ну и просто я действительно много времени проводила в зрительном зале, много раз смотрела спектакли.

Кроме того, режиссер Владимир Александрович Золотарь тоже очень сильно повлиял на меня, на мое мировоззрение. С его приходом Театр драмы из хорошего провинциального театра превратился не то чтобы в ведущую площадку страны, но в театр, отвечающий требованиям современного развития, требованиям современного театрального искусства. И я видела, как это происходило на моих глазах, когда вышли «Генералы песчаных карьеров» Юрия Ядровского, «Великодушный рогоносец» Золотаря. Это был совершенно другой формат, что-то совершенно новое, нечто прекрасное. Я помню, что, когда я приехала учиться в Питер и стала смотреть спектакли почти каждый день, я была уверена, что в Барнауле лучшее — это Золотарь, а здесь уж будет столько всего. Оказалось, что нет, приходилось очень много отсматривать, чтобы перебить впечатление от его спектаклей. Так что, безусловно, я не отрицаю своего происхождения из Театра драмы, и это связано с замечательной труппой театра и моим отцом.

— **В Барнауле вас знают, кроме того, по поэтическому творчеству. Вы печатались в различных альманахах, занимались в литературной студии. Сейчас не пишете стихи?**

— Что касается стихов, это была такая, скорее, юношеская тема, хотя в Барнауле, мне кажется, это довольно развито, не в каждом городе такое есть. Я, например, обожаю Наталью Николенкову, в детстве зачитывалась Фаридой Габдрауповой, а еще я не устаю признаваться в любви Диме Мухачёву, я его читаю сейчас постоянно, мне кажется, он одаренный человек, хотя и моего поколения. А мы — да, у нас была компания. Мы учились в старших классах, писали стихи, читали их друг другу, встречались, обсуждали, у нас были семинары. Сейчас — нет, я не пишу стихи. У меня это перешло

Победитель краевого конкурса «Авторская сцена Алтай» — Анастасия Мордвинова.
Фото Андрея Луновского

на какие-то более профессиональные моменты, более утилитарные. Но еще, честно говоря, у меня есть несколько песен, может быть, это просто перешло в другой жанр. А стихи, мне кажется, это что-то такое юношеское. Меня поражает, насколько Наташа Николенкова, которая продолжает писать стихи, остается ребенком, юной девушкой. Мне кажется, писать стихи может позволить себе только молодость, потому что дальше это становится слишком претенциозно. Меня поражают люди, которые умудряются писать стихи и не выглядеть при этом нелепо, смешно, пафосно. Это про Наташу Николенкову.

— Но ваше, как вы говорите, юношеское «Мы письма в долгих ящиках храним. // По строчкам, по созвучиям отдельным...» я давно люблю, даже знаю наизусть и всегда поражаюсь, как оно аккуратно к моей жизни подошло.

— Ничего себе, удивительно! Но вы знаете, однажды сюда на один театральный фестиваль приезжала Вера Полозкова, она читала стихи, а потом зрители общались с ней. Там люди тоже говорили: «Вот такое-то ваше стихотворение прямо про меня», на что она сказала, и мне это очень понравилось: «Нам все время кажется, что у нас очень индивидуальный жизненный опыт, что только тебя бросил парень, только у тебя такие отношения с родителями, а на самом деле у всех почти одно и то же происходит». Это как я эти две недели очень часто думаю по поводу смерти моего отца: отцы умирают у ста процентов людей, и делать из этого нечто особенное не представляется возможным, потому что произойдет это раньше или позже — уже не имеет такого значения, мне было бы одинаково горько и в тринадцать лет, и в пятьдесят три, и сейчас. И это к тому, что не такой наш опыт и индивидуальный, поэтому в чужих стихах очень часто можно найти себя.

— Как вы относитесь к проблеме цензуры в области театрального искусства? Должны ли быть, по вашему мнению, гласные или негласные запреты? Все ли темы уместны на театральной сцене?

— Знаете, здесь бы я выделила два основных момента. Первый — спекуляция. Я против того, чтобы использовались темы, которые начинают меня как человека психологически задевать больше, чем как зрителя художественного произведения. В качестве известного примера: если вывести на сцену ребенка и начать его бить, или вынести котенка и задушить, или заставить стоять ребенка у гроба матери и плакать, то это будет стопроцентный успех, все зрители будут плакать, но это несправедливо. То же самое, мне кажется, несправедливо выпускать какой-то слишком сильный эротический пласт в кинематографе, когда происходит давление на инстинкт. Это меня смущает больше, чем отсутствие или наличие цензуры. А цензура, мне кажется, должна быть тоже. Я ничего не имею против, особенно как театральная критик, ни голого тела, ни мата, но мне кажется, здесь мы можем ориентироваться на Гражданский кодекс РФ. То есть если нечто предусмотрено правилами, то давайте эти правила соблюдать, в этом нет ничего сложного. Можно заменить сигарету, открытый огонь на сцене, слава богу, есть в современном мире средства. Или заменить какие-то слова на литературные. В принципе, цензура имеет право на существование в рамках закона. А вот оскорбление чувств верующих — мне это не очень понятно, так можно дойти до оскорблений чувств кого угодно. Мало ли, может, в каком-нибудь фильме оскорбляют мои личные чувства, потому что там разбавляют кофе молоком, а я считаю это кощунством, потому что, по моему мнению, кофе нужно пить без молока.

— В 2009 году вы писали:

**И в награду за это зло
(Бога нет, а не то б от бога)
Мне, счастливице, повезло
Целовать его у порога.**

В связи с этим вопрос: Бога по-прежнему нет?

— Странный вопрос. Дело в том, что я с 2005 года приобрела прибежище в буддизме. На самом деле как раз в этой строчке есть Бог, мне

кажется. Понятно, что мой православный менталитет и мое русское православное сознание хочет благодарить Бога за возможность встречи с каким-то человеком, но мои новые представления в этой жизни отрицают существование Бога и благодарят, грубо говоря, вселенную. Но я бы к этой строчке не цеплялась, это, конечно, такой оборот. И это художественный текст. Меня всегда удивляет, когда пишешь пьесу, например, а потом все тебя начинают спрашивать: а на самом ли деле это было? Ребята, это художественный текст, о чем вы говорите? Бывает, спрашивают: а вы случайно не с себя писали эту героиню? Даже если с себя, может, она использует такой же речевой оборот, как у меня, но это не значит, что я убиваю людей, как она. Это же не строчка из интервью, не научная статья, это художественный текст.

— Да, понимаю. Но ведь в поэзии личности автора всегда больше, чем где бы то ни было. И искусство принципиально отличается от той же науки тем, что автор почти всегда сам себе инструмент и пишет вроде и о других, но чаще получается все равно про себя.

— Да, наверное. Это как у Бориса Гребенщикова: «Так что, Дарья, Дарья, не нужно рисовать мой портрет <...> // Ты всё равно рисуешь сама себя, меня здесь нет». Да, это очень заметно, в стихах это просто откровенно, в драматургии тоже видно. Более того, это заметно даже в театральной критике, как-то я составляла резюме, мне пришлось перечитать несколько своих текстов, и я поняла, что все они, тексты, написанные на разные спектакли, одинаковые, потому что все равно ты видишь через призму себя какой-то чужой художественный материал и анализируешь через свое все равно, и поэтому получается все об одном, так про себя становится многое понятным. Есть психотерапевтический эффект от искусства, я это замечаю. Пишешь пьесу, а через какое-то время доходит, почему ты ее написал в этот период, о чем она была, что тебя на самом деле беспокоило. В общем, я рекомендую всем заниматься творчеством, мне кажется, в современном мире, наполненном паническими атаками и стрессом, это очень полезно. ◀